

И. Р. Чикалова

**ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД В НАУКАХ
О ЧЕЛОВЕКЕ И ОБЩЕСТВЕ:
СМЕЩЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПАРАДИГМ**

Вплоть до последней трети XX в. к рассмотрению проблем пола в гуманитарной и социальной науке превалировали подходы, характерные для традиционалистско-консервативного дискурса. Для консервативных научных школ характерна особая интерпретация сущности общества, государства и гражданина, взаимоотношений между ними: общество интегрировано в государство и построено на фундаменте жесткого иерархического порядка, подразумевающего ограниченную свободу и неравенство различных социальных групп. Равенство существует только в области морали и добродетели, которая состоит в обязанности исполнять предназначенный каждому долг: женщины рожают и растят детей, ухаживают за мужчинами, а мужчины заботятся об общественном благе. Лучшие люди страны не те, кто заботится о своих правах, а те, кто несет особые обязанности. Добавим, что подразумевается также неизменяемость этого порядка и противоестественность попыток воздействия на него с целью модернизации. В связи с этим Э. Бёрк, один из основателей идеологии европейского консерватизма, провозгласил важнейший принцип консерватизма: «Вместо того, чтобы отвергнуть наши старые предрассудки, мы их глубоко чтим и, добавим не стыдясь, уважаем их именно потому, что это предрассудки: и чем древнее они и шире распространены, тем больше мы их почитаем»¹. Консервативный дискурс «о естественном порядке вещей в мире» встроен в каркас культуры западно-европейской цивилизации. Поэтому представления «о естественном предназначении женщины» как «хранительнице традиций, семейных ценностей и домашнего очага» оказались наиболее устойчивыми и тяжело разрушаемыми, ибо составляют основу утвердившегося в европейской культуре гендерного порядка. Фактор половой принадлежности оказывается решаю-

щим в «навязывании» посредством системы воспитания, традиций, правовых и этических норм социальных функций женщинам и мужчинам: в первом случае — занимающих нижние строчки в системе общественных иерархий, во втором — верхние. Для консервативных научных направлений в социальных и гуманитарных науках характерным явились сегрегация и вытеснение на периферию всего того, что связано с женщинами и женским. Научное исследование женщин и женского в лучшем случае рассматривалось как вспомогательное, само по себе маргинальное. Таким же второстепенным, незначимым, необязательным становилось производимое в результате знание.

Консервативный эссенциалистский подход к тому, что связано с полом, создавал «пределы» для научного исследования и превратился в тормоз для новых исследовательских возможностей. Тем не менее за последние сорок лет на Западе и пятнадцать лет на постсоветском пространстве произошло заметное обновление методологической базы и тематической направленности исследований, открылись перспективы для расширения исследовательского поля за счет подключения новых дискурсов, в т. ч. феминистского и гендерного. Решающее значение для смены научных парадигм имело утверждение в социологической мысли ряда новаторских теорий и подходов: социализации Т. Парсона и Р. Бейлса; социально-конструктивистского подхода П. Бергера и Т. Лукмана²; этнометодологии Г. Гарфинкеля³ и драматургического интеракционизма И. Гофмана⁴. Они и легли в основу теории гендера, развитие которой поставило под сомнение прежние представления о поле и «естественности» различий между мужчинами и женщинами. В качестве ее инструмента выступила феминистская и гендерная методология. Таким образом, начиная с 1980-х гг. гендер (социокультурный пол) становится одной из центральных категорий изучения в социальных и гуманитарных науках. При всей множественности и дискуссионности описаний и определений гендера смысл этого понятия заключается прежде всего в идее социального конструирования, в непрерывности самого процесса «делания» гендера в

сложных контекстах возраста, расы и сексуальной ориентации»⁵. Понимание гендера в рамках теории социального конструктивизма может выглядеть следующим образом: «Гендер — это результат и сама система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка».

Концептуализация и проблематизация категории гендера привела к возникновению в 1990-е гг. новой субдисциплины — гендерных исследований.

Получив толчок для своего развития прежде всего от женских исследований (заявивших о себе в академической среде двадцатью годами ранее), они переместили акцент с изучения неравноправного специфического положения женщины, обсуждения и осуждения патриархата на исследование более широкого социального контекста — на анализ гендерной системы. С этого момента категория гендера получила статус, равнозначный по значимости давно утвердившимся на исследовательском научном поле категориям «класс» и «этнос», и начинаются собственно гендерные исследования, включившие в сферу своего исследовательского интереса также проблемы социального конструирования маскулинности, феминности и сексуальности. Гендерные исследования, выступившие в качестве новой междисциплинарной научной области, реализуют возможности, связанные с использованием гендерного подхода для анализа властных взаимозависимостей и иерархий, структур власти и подчинения, систем доминирования в рамках политических, экономических, правовых, гражданских институтов, внутри социальных групп, на межгрупповом и межличностном уровне. Под влиянием ранее других периферийных, теперь вышедших из невидимости областей — «исследований мужчин», «гей/лесбийских исследований», «квир исследований» — произошло перенесение акцента с исследования положения женщин на механизмы функционирования властного дискурса как такового. Власть носит «распыленный», капиллярный характер (в терминологии Фуко) и реализуется повсюду, включая уровень «микропрактик» повседневной жизни «с постоянно меняющимися конфигурациями отношений господства и подчинения»⁶. В этом свете изучение неравноправного положения женщин предстает только в качестве частного случая функционирования гендерной системы в целом. Теория гендера и гендерных отношений может рассматриваться в качестве важной части социальной теории.

Поскольку современные гуманитарные и социальные исследования развиваются по пути междисциплинарности, заимствуя друг у друга и тематику, и подходы, и применяемый инструментарий, посмотрим, какие вопросы под влиянием развития гендерной теории сегодня выносятся на повестку дня областей, продуцирующих знание о человеке и обществе.

Социология. Область социологии особенно важна в плане рассматриваемой темы, т. к. именно социология предоставляет историку весь необходимый понятийный аппарат, и в рамках этой дисциплины происходит его концептуализация. Среди наиболее крупных вопросов и проблем исследования в социологии, помимо концептуализации самой категории гендера, о чем шла речь выше, можно назвать следующие. Во-первых, выделение не-

скольких уровней проявления гендерных отношений. Во-вторых, постановка и ответ на вопрос о том, кто является субъектом гендерных отношений на каждом из уровней их проявления. В-третьих, постановка вопроса и исследование, в каких случаях гендерные группы и их отдельные представители переходят с позиций субъектов в позиции объектов гендерных отношений. В-четвертых, постановка вопроса и изучение гендерных стереотипов и гендерных контрактов. В-пятых, исследование феноменов гендерного неравенства в профессиональной сфере (например, «горизонтальная и вертикальная профессиональная сегрегация»). В-шестых, постановка вопроса о характере распределения ролей и власти в межличностных отношениях. В-седьмых, изучение форм проявлений гендерных идеологий, гендерных представлений, гендерных стереотипов и гендерных установок в различных социальных средах. В-восьмых, исследование гендерной идентичности и проявлений ее кризисов. Наконец, выделение категорий маскулинности и феминности; рассмотрение форм сексуальности, выступающих не в качестве природных свойств, а социокультурных конструктов, изучение форм их проявлений. Благодаря выдвижению и

изучению названных тем и вопросов состоялось оформление гендерной теории в рамках социологии.

Таким образом, было обосновано, что гендерные отношения проявляются на нескольких уровнях, и в зависимости от уровня в качестве их субъектов могут выступать отдельные мужчины и женщины (микроуровень), группы мужчин и группы женщин (мезоуровень), государство с одной стороны, группы женщин и мужчин с другой (макроуровень). В зависимости от уровня изменяются формы и содержание гендерных отношений их участников. Так, на микроуровне специфика гендерных отношений находит выражение в распределении ролей и власти в межличностных отношениях, которые наиболее явно проявляются внутри семьи. На мезоуровне выявляются гендерные взаимодействия внутри локальных политических, профессиональных, социальных и иных структур, а формой их проявлений выступает феномен гендерного неравенства в различных сферах или, наоборот, стремление к достижению гендерного паритета. На макроуровне гендерные отношения охватывают область специальной политики государства по отношению к гендерным группам, разворачиваются в политическом и социально-экономическом контексте, характерном для определенного периода развития общества. Они задаются доминирующей в обществе гендерной идеологией, с одной стороны, социальными ролями групп женщин и мужчин как членов общества — с другой. На этом уровне основная активность исходит со стороны государства, гендерные группы и их отдельные представители

чаще занимают позиции не субъектов, а объектов гендерной политики. Все уровни гендерных отношений, содержание и формы их проявлений могут выступать в качестве отдельных объектов научного исследования — и в том числе исторического.

Экономическая теория. В последние десятилетия наметился ряд широко обсуждаемых проблем: проблема измерения и оценки неоплаченного (домашнего) труда; проблема внутрисемейного распределения доходов, ресурсов, труда и распределение властных полномочий внутри семьи; доступ женщин в условиях глобализации к образованию, экономическим рычагам и ресурсам; гендерные процессы на рынке труда (женская и мужская занятость, соотношение в доходах и оплате труда); доступ к ресурсам, кредиту, экономической информации. Благодаря исследованиям последних лет стало очевидным, что гендерное неравенство воспроизводится на уровне экономического механизма даже в тех странах, где декларировано политическое, юридическое и гражданское равноправие мужчин и женщин. Сегрегация женщин в общественном производстве проявляется путем создания внутри «мужских профессий» менее престижных «женских специальностей», или «женских работ». Как правило, женщинам достаются работы, которые не притягивают мужчин, и они занимают освобожденные ими рабочие места. Большая часть женщин занята на работах без больших перспектив роста по службе, а высокий уровень феминизации профессии часто является четким индикатором ее низкого социального престижа.

Кроме того, широко распространилась точка зрения, что неоплаченный труд, домашние обязанности должны быть включены в экономический анализ. Инкорпорировать индивидуума (женщину или мужчину) в экономическую теорию — означает признать внерыночную (домашнюю) активность в качестве легитимного экономического вклада. Имеется прямая взаимозависимость между рыночной и домашней сферами деятельности. Существует также порочный круг, воспроизводящий гендерное неравенство: поглощенность домашними обязанностями ограничивает возможности индивидуума на рынке труда и обуславливает более низкую заработную плату. Это в свою очередь закрепляет сложившееся разделение труда внутри семьи. Гендерный подход в качестве методологической основы в сфере экономической теории помогает понять, что сложившееся разделение труда между полами/гендерами и возникающее вследствие него экономическое неравенство обусловлено характерными для данного общества гендерными ролями и гендерными стереотипами. Однако сравнительные исследования большого числа существовавших когда-либо культур говорят о значительных различиях в

распределении экономических ролей и сфер деятельности между полами/гендерами. Домашний труд не был связан непосредственно с дискриминацией и угнетением. Эта связь возникла позднее,

когда домашняя сфера оказалась противопоставленной рыночной, превратилась в маргинальную, социально незначимую и целиком «переданную на освоение» женщинам⁷.

Политическая теория. Многолетние дискуссии о природе политического могут быть описаны тремя вопросами, вокруг которых они постоянно ведутся. Каким образом складывается поле/территория политической деятельности или «что лежит в основе классификации социальных явлений/институтов на политические и неполитические? Как происходит формирование субъекта политической деятельности или какова динамика отношений между институтами/аппаратами власти и конкретными личностями? Как определяется социально-историческое содержание политической деятельности или как из общего социокультурного контекста происходит вычленение политически значимых «точек приложения» власти?»

Для политической науки в рассматриваемом контексте центральной стала деконструкция подхода к определению понятий политической территории и политики. В политологии практически безальтернативно политика определялась как целенаправленная деятельность, ограниченная рамками особой публичной сферы, в которой и происходит принятие решений. Это традиционное определение политики и было поставлено под сомнение. Поскольку в патриархальном обществе отчетливо разделенные между собой публичная и вторичная по отношению к ней приватная сферы являлись/являются основными территориями жизни и самореализации мужчин и женщин, на первый план вышла проблема взаимодействия между ними, что потребовало более точно определить понятие территории политических действий — является ли ею только публичная сфера, или же сфера приватного тоже может рассматриваться в качестве таковой. Так, К. Миллет в своей уже классической работе *Сексуальная политика* предложила перенести акцент в определении политики на взаимоотношения, основанные на власти, «посредством которой одна группа людей контролируется другой»⁸. Важным для нашей темы здесь является мысль о том, что этот контроль распространяется как на область публичного, так и на сферу приватного. Миллет развивает тезис о том, что отношения между полами являются не просто политическими, но сексуально-политическими в том смысле, что власть мужчин над женщинами основана на различии полов. Монополизация мужчинами ключевых позиций в политико-властных структурах является только одним, хотя и наиболее очевидным, проявлением этой власти. Но именно

разделение человеческой жизни на сферы публичную и приватную, с одной стороны, закрепляет сегодня мужское доминирование в обществе, с другой стороны, продолжает существовать из-за асимметричных отношений власти и подчинения, утвердившихся между полами, и в результате оно именно «необходимо», чтобы скрыть эти самые властные взаимозависимости.

Таким образом, понятие политика стало трактоваться значительно шире — как всякие действия в сфере современной социальной и культурной жизни, направленные на трансформацию традиционного общества. Кроме того, была существенно расширена сама политическая повестка: проблемы, прежде рассматривавшиеся исключительно в качестве «приватных» — репродуктивные права, аборт, забота о детях, внутрисемейное распределение труда, насилие, сексуальное преследование, сексуальная ориентация — стали соревноваться между собой за приоритетное место в национальном политическом дискурсе современных демократий.

Помимо решения теоретических вопросов, была проделана большая работа по исследованию практических форм политического участия групп политических меньшинств, несущих в себе комбинированные характеристики — гендер, возраст, сексуальность, физические возможности — включая молодежь, женщин, сексуальные меньшинства, людей с ограниченными возможностями, пожилых людей — от зарождения самих движений, представительства (в частности, женщин) в национальных и местных законодательных и исполнительных органах, политических движениях и партиях и до влияния на результаты политики. Безусловно, в этом плане больше повезло женщинам, как гендерной группе: помимо упомянутых вопросов, исследовались специфика вклада женщин-лидеров в общественную политику и степень его отличия от мужского; различия в значимых для женщин проблемах, которые выдвигают политики-женщины и их коллеги мужчины; насколько решение специфически женских проблем улучшает социальную ситуацию в обществе в целом; используют ли женщины власть иначе, чем мужчины; отличаются ли стили лидерства женщин и мужчин; имеются ли условия и какие, при

которых гендерные различия в лидерстве усиливаются и влияют на общественную политику, и наоборот, возможные различия стираются.

Лингвистика. Существует прямая связь между языком и гендером. Особая заслуга в открытии этой связи принадлежит постмодернизму, который открыто признал, что текст не отображает существующую реальность, а творит новую, и эти реальности не зависят друг от друга, а отношение человека к действительности опосредуется дискурсивной практикой. Понятие

дискурс благодаря этому открытию стало актуальным не только для специалистов в области языка и языкового употребления, но и гуманитариев. Произошел лингвистический поворот в социальных науках, основной составляющей которого стали признание исследователями дискурсивного характера мышления и необходимость анализировать его в общей картине гуманитарного знания.

Постструктурализм с его утверждением о том, что за всеми культурными продуктами и мыслительными схемами стоит язык власти и власть языка, стал еще одним философским направлением, значительно повлиявшим на концептуальную базу критической лингвистики, основной целью которой стал анализ как очевидных, так и неявных структурных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, выраженных в языке. Собственно говоря, эти цели критической лингвистики совпали с целями собственно феминистской лингвистики, которая имеет своим исследовательским интересом, как и в первом случае, разоблачение неравенства и несправедливости, но — с артикуляцией на проблеме пола, т. е. языкового неравенства женщин и мужчин.

Таким образом, в языковом функционировании кодируется властная гендерная асимметрия; язык может выступать в качестве дополнительного фактора дискриминации гендерных групп. «Фактически происходит маргинализация женщин средствами языка, вытеснение женского на периферию языкового функционирования, а следовательно, и языкового сознания, что приводит к восприятию женской личности обществом как второстепенной, не имеющей самостоятельного значения»⁹. Исследования различных языковых культур показывают, что дискриминация в языке может проявляться в трех основных формах: игнорирование; стереотипизация; недооценивание/обесценивание. Подобные исследования на примере германо-романских языков активно проводятся, на базе русского и украинского уже идут, на базе белорусского — им предстоит начаться. Критическая лингвистика трактует существующие гендерные асимметрии в языковой системе как проявление языкового сексизма, для преодоления которого предлагаются специальные меры по коррекции андроцентричного, патриархатного дискурса.

Cultural Studies (культурные исследования) трудно представить вне гендерной проблематики. Для этого есть основания, связанные с особенностями развития этой области. Во-первых, в рамках культурных исследований — в отличие от институализированной у нас культурологии — произошел отказ от бинарных оппозиций (высокая культура не противопоставляется массовой, духовная культура не отделена от материальной, элитарная не противопос-

тавляется народной). Во-вторых, произошел отказ от негативных коннотаций термина «культурная индустрия», от оппозиции интеллектуала и массы, культуры и политики. В-третьих, в основу культурных исследований положены принципы мультикультурализма и различия. Поэтому опыт субкультур (в том числе маргинальных) и их исследование является значимым: культура не обязательно лучшее из всего сказанного и сделанного человечеством, она не тождественна высокой культуре. Культура понимается, скорее, как процесс создания ценностей, как способ жизни, как совокупность практик, как социальный феномен, а не «сумма эстетических идеалов» и не «голос разума», который говорит от лица гипотетического универсального человека¹⁰. Культура обыденна (а не то, что считается высоким), и поэтому мы сами принимаем участие в ее создании и учимся в ней жить, участвуя в повседневных практиках, формирующих наш образ мыслей — получаем образование (которое транслирует гендерные стереотипы), учим родной язык (в который встроена властная гендерная асимметрия), получаем представление о мире труда, получая навыки и первые знания по поводу его разделения у своих родителей, приобретаем опыт межличностных отношений. Таким образом, культура выступает в качестве средства легитимации

социального неравенства, но она же предлагает способы сопротивления и его преодоления. Исследователь культуры должен чутко улавливать, фиксировать и исследовать феномены, становясь на точку зрения «другого» и используя специфические и нетрадиционные методы. Например, качественные методы, которые опираются на такие источники, как свидетельства, авто- и биографии, устные истории; эмпирические методы в противовес теоретическим моделям. В рамках культурных исследований происходит деконструкция «текста» полотна культуры, в том числе с точки зрения присутствия бинарных оппозиций мужского и женского в «тексте» визуальных образов произведений изобразительного искусства, театральной и кинопродукции. Методы, используемые специалистами этой области, полезны и для историка культуры.

История. Смещение научной парадигмы в исторических исследованиях происходило благодаря концептуализации и проблематизации новых или широко не использовавшихся прежде научных категорий, например понятия патриархата. Введение его в научный дискурс связано с именем Ф. Энгельса. В своей знаменитой работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», характеризуя общество, возникшее в период разложения первобытнообщинного строя, Энгельс писал: «... ниспровержение материнского права было всемирно-историческим поражением женского пола. Муж

захватил бразды правления в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения. Это приниженное положение женщины особенно неприкрыто у греков героической и — еще более — классической эпохи, постепенно было лицемерно прикрашено, местами также облечено в более мягкую форму, но отнюдь не устранено. Первый результат установившегося таким образом единовластия мужчин обнаруживается в возникающей теперь промежуточной форме — патриархальной семье». Существенным признаком такой семьи, далее пишет Энгельс, является отцовская власть: «Цивилизации соответствует и вместе с ней окончательно утверждает свое господство новая форма семьи — моногамия, господство мужчины над женщиной»¹¹. Однако понятие, «патриархат», оказалось незаслуженно забытым и стало прочно ассоциироваться с «детством» истории. Ведь параллельно процессу утверждения патриархата и, соответственно, общества гендерного неравенства шел процесс утверждения классового общества и государства.

Именно класс в качестве категории общественной стратификации и такие его производные, как «классовая борьба», «социально-экономическая формация», «социальная революция» (но в применении лишь исключительно к борьбе классов и в качестве ее итога), стали предметом исследования историков. О патриархате историки просто не вспоминали, и само общество с точки зрения пола/гендера не подвергалось изучению, пока на это обстоятельство не обратили внимание феминистские исследователи, которые дали развернутое описание патриархата. Патриархат — это система, в которой интересы женщин подчинены интересам мужчин, а в более широком смысле — патриархатной власти, которая основывается на тех социальных значениях, которыми общество наделяет биологическое различие между мужчинами и женщинами. Патриархатные отношения являются структурными: они укоренены в институтах и в социальных практиках общества. Все общества, независимо от их классовой организации, оставались патриархатными, поскольку вплоть до 60-х гг. прошлого века не было организованной группы, способной поставить под сомнение легитимность его существования. И поскольку патриархатное общество характеризует отчетливая дихотомия публичной и приватной сфер жизнедеятельности, различие между ними сложилось и существует как отражение отношений власти и подчинения между мужчинами, монополизировавшими сферу общественного, и контролируемые ими женщинами, вытесненными в область приватного. Поэтому, если государственная власть, ее институты, личности и деяния государственных деятелей и военачальников (а они были только мужчинами)

всегда были объектом интенсивного исследования (добавим, что сама научная деятельность до конца нового времени была полностью монополизирована мужчинами, и они вычленили из истории те аспекты, которые казались важными именно им), то участие женщин в событийной истории, которое было действительно минимальным, в силу вытеснения их из сфер общественной жизни (особенно до предоставления политических, гражданских прав и расширения их участия во внесемейном производстве), не изучалось по вполне объективным причинам: их там просто не

было. Но вместе со смещением исследовательского интереса с изучения общества на макроуровне и переходом историков к изучению его (особенно до новейшего времени) на микроуровне возникли совершенно новые объекты исследования: семья, детство, старость, повседневность, жизнь и смерть человека. Сам человек стал интересен исследователю. Теперь включение женщин в научный дискурс стало неизбежным. И если сегодня в среде западноевропейских и американских исследователей существует практически полное признание того, что в основе объективного исследования прошлого и настоящего должна лежать информация, касающаяся положения в обществе, политике, хозяйственной деятельности обоих полов, еще недавно эта точка зрения пробивала себе дорогу в жарких академических дискуссиях.

Оперирование категорией класс позволило ученым-марксистам воссоздать историю общества как историю классового противостояния. Подключение к методологическому арсеналу историка категории гендер позволило как расширить тематику самих исследований, так и переместить ракурс научного исследования на повседневные практики индивида и механизмы складывания властных взаимоотношений, ядром которых является гендерная принадлежность. В развитии национальных историографий выделяются общие тенденции и этапы в связи с концептуализацией категорий «женщины» и «гендер». Так, траектория современного исторического знания развивается от истории как бы бесполой, по форме всеобщей, но, по существу, игнорирующей женщин, к ее зеркальному отражению — однополю «монологической» «женской истории» и далее — к «диалогической» истории гендерных отношений, а еще точнее, к обновленной и обогащенной социальной истории, расширившей понимание социального (и соответственно свое предметное поле) и включившей в него все сферы социальных отношений как в общественной, так и частной жизни.

В гендерной истории центральным предметом исследований выступает уже не столько «история женщин», сколько история властных взаимозависимостей, взаимосвязей и иерархий между мужчинами и женщинами, муж-

чинами и мужчинами, женщинами и женщинами разных социально-классовых слоев с учетом сексуального статуса, расовой/этнической принадлежности и возраста, т. е. — «диалогическая» история социальных отношений.

Таким образом, гендерным исследованиям принадлежит особое место в обновлении исторической науки. Олицетворяющие собой нишу, где возможно и приветствуется применение новейшего методологического арсенала, и являющиеся примером междисциплинарности, они становятся не просто востребованным проектом у историков, но активно способствуют преодолению кризиса научного жанра, связанного с невозможностью далее использовать устаревшие догмы и штампы, в том числе присущие исторической науке.

¹ Цит. по: Фадеева Т. М. У истоков идеологии европейского консерватизма // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 59.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. М., 1995.

³ Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1967.

⁴ Goffman E. *Frame Analysis of Gender*; Goffman E. *Gender Display* // Lemert C. and A. Branaham, eds., *Goffman Reader*. Oxford: Blackwell, 1997.

⁵ Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социс. 2000. №11. С. 19.

⁶ Ушакин С. Политическая теория феминизма: современные дебаты // Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учеб. пособие / Под ред. И. Жеребкиной. СПб., 2001. С. 116.

⁷ См.: Н. Hartmann. *Capitalism, Patriarchy and Job Segregation by Sex*. Signs. 1976. № 1.

⁸ Millet K. *Sexual Politics*. London: Abacus, 1972. P. 23.

⁹ Тостокорова А. «Лингвистическое выражение» гендера: результаты и перспективы демократических реформ // Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. / Под ред. И. Р. Чикаловой. Минск, 2004. Вып. 3. С. 52.

¹⁰ Усманова А. Гендерная проблематика в парадигме культурных исследований // Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учеб. пособие / Под ред. И. Жеребкиной. СПб., 2001. С. 435.

¹¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9 т. Т. 6. М., 1987. С. 139, 241.